

с. 2.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(«Книжки Чуждыя» за январь 1899 года. «Востокъ» январь)

Въ «Книжкахъ Чуждыхъ» за январь нынѣшняго года помѣщенъ небольшой разсказъ Ап. П. Чехова «По дѣламъ службы». Какъ и всѣ произведенія талантливаго бездарища, умиющаго даже въ незначительныхъ по размаху вещахъ затронуть какую либо любопытную нитку нашей общественной жизни, заставить читателя глубоко призадуматься надъ затронутой проблемой, новый разсказъ г. Чехова много говоритъ читателю, который обладаетъ отзывчивымъ сердцемъ и умомъ, не впадающимъ еще погрязшимъ въ матеріальные расчеты повседневной будничной жизни.

Вводный паритетъ содержаніе этого разсказа.

Въ селѣ Смирѣ застрѣлился страховой агентъ Лисинскій. По этому поводу въ село прибѣгаютъ докторъ Старченко и слѣдователь Дышневъ, но за непогодой опаздываютъ. Самоубійца поворачиваетъ свои расчеты съ жизнью въ земской избѣ, гдѣ останавливаются проѣзжающіе и гдѣ должны были остановиться и докторъ со слѣдователемъ. Это обстоятельство производитъ непріятное впечатлѣніе на послѣднихъ и докторъ, человекъ разностной и по своей профессіи, назавало бы, обязаный чутко относиться въ окружающимъ его явленіямъ жизни, между прочимъ, раздражается сѣззующей тирадой: «стрѣлялся въ земской избѣ, изъ это безтактно. Пришла охота चुсть себя пулю въ лобъ ну и стрѣлялся бы у себя дома, гдѣ нибудь въ сараѣ... Эти неврастеники и не терпятъ большіе агоніи. Когда не

врастеникъ спитъ съ вами въ одной комнатѣ, то шуршатъ газетой, когда онъ обѣдаетъ съ вами, то устраиваетъ сцену своей жень, не отбрасывая вашихъ присутствіемъ, а когда ему приходится охоту застрѣлиться, то вотъ онъ стрѣляется въ деревнѣ, въ земской избѣ, чтобы надѣять всѣмъ больше хлопотъ. Эти господа при всѣхъ обстоятельствахъ жизни думаютъ только о себѣ. Только о себѣ! Потому-то старикъ тотъ и не любитъ нашего «неравнаго шна».

Читатели, вѣроятно, не разъ приходилось слышать подобныя рѣчи и охъ сразу увидать, что въ данномъ случаѣ агоніемъ является не несчастный страховой агентъ — самоубійца, а самъ докторъ, не страдающій неврастенией и истеріей... Богу, въ самомъ дѣлѣ, могутъ прийти въ голову такія мысли, какъ не человеку, ставящему прежде всего и выше всего свое спокойствіе свое «я». Не лучше его является и его товарищъ по обязанности слѣдователь, человекъ, всего года два оставившій университетъ. На горячую тираду доктора онъ отвѣчаетъ слѣдующей репликай: «Надо-ли чего не любить старика. — Вы вотъ укажите старикамъ на то, какою разницею между прежнему и теперешнимъ самоубійствами. Препрѣній, такъ называемый порядочный человекъ, страдался оттого, что на земныя деньги истратилъ, а теперешній — жизнь вадѣла тоска... Что лучше?»

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ докторъ ограничивается только замечаніемъ, что «можно было бы застрѣлиться и не въ земской избѣ».

Но самоубійство несчастнаго агента причинило непріятность не одному только доктору, а, какъ оказывается, внесло не мало тревоги и въ чуждый для доктора и слѣдователя миръ.

Сотопій, встрѣтившійся властей и откровенно показавшій себя при встрѣчѣ «цощай», услышавъ слова слѣдователя, проговорилъ:

«Ужъ такое горе, такое горе чистое пазказаніе. Народъ очень беспокоится, ваше благородіе, ужъ третью ночь не спитъ. Ребѣта плачутъ. Надо коровъ доить, а бабы въ хлѣбъ не идутъ, бѣдѣ... Какъ бы въ потемкахъ баринъ не примерещился. Извѣстно, главнымъ жепцены, по которымъ и мужики бѣдѣ. Какъ вечеръ, ни-но избы не ходятъ въ одиночку, а такъ, все тѣбуи мѣ. И повѣтые тоже».

Такихъ обращеній интеллигентъ и простой обыватель, благодаря непріятной случайности, оказался въ одинаковомъ положеніи: первымъ хотѣлось быть въ городѣ на освѣщенныхъ городскихъ улицахъ въ театрѣ или въ ресторанѣ, вторымъ... только осво-бодиться отъ покойника, который связывалъ ихъ свободу дѣйствій.

Рождается вопросъ, кто выше здѣсь въ нравственномъ отношеніи — темный ли, невѣжественный обыватель или просвѣщенный интеллигентъ? Отвѣтъ получается далеко не въ пользу послѣдняго, какъ ниже увидятъ читатели. Но картина этой обывательской жизни дѣлѣе развертывается еще шире.

Какъ извѣстно, слѣдователь и докторъ заждались, а потому не успѣли сдѣлать вскрытіе въ тотъ же день и должны были заночевать. Доктору перспектива спать въ земской избѣ вмѣстѣ съ покойникомъ далеко не уладывается и онъ предпочитаетъ ухитряться въ соседнему помѣщику. Слѣдователь остается.

«Цощай» предлагаетъ ему перейти въ другую половину земской избы, черную, слѣдователь согласился, и, немного погодя, садѣкъ въ черной половинѣ и пилъ чай. Во

время чаепитія онъ испугается въ бѣсѣду съ сотскимъ.

— Снажи, дѣдъ, сколько ты лѣтъ ходишь сотскимъ?

— Сколько? Да ужъ лѣтъ 30. После пяти лѣтъ черезъ 5 сталъ ходить, вотъ и считай. Съ того времени каждый день хожу. У людей праздники, а я все хожу. На дворѣ святая, въ церквяхъ знонь, Христосъ воскресъ, а а съ сумной... Въ назначеніе, на почту, въ станомому на квартиру, въ земскому въ податному, въ управу, въ господамъ, въ мужи-дамъ, во всѣхъ православныхъ христіанахъ. Ночу наветы, повѣсти, оладные листы, письма, бляжи разные, издомости, а, значить, гасединъ хорощій, ваше высокоблагородіе, нынче такіе бляжи пошлѣ, чтобы цифры записывать — желтые, бѣлые, красные, — всякій баринъ или батѣя или богатый мужикъ, беспрѣменно записать долженъ разъ десять въ годъ, сколько у него пошлѣно и убрѣно, сколько у него четвертей или пудовъ ржи, сколько овецъ, стѣна, ржи и камѣя, значить, погода и разныя тѣмъ насѣкомыя. Конечно, паши, что хочешь, тутъ одна только форма, а потомъ опять ходи и собирай!

За тридцать лѣтъ «хожденія» «цощаю» случалось и утопать и замерзѣть, и даже за мошенничество писаря попасть подъ судъ, только потому, что «какъ а, по нашей бѣдѣности, по вѣдомости, значить, человекъ не надежный, не стоящій». Но судъ его оправдалъ. Жалованья «цощай» получалъ 84 р. въ годъ, а на вопросъ слѣдователя, имѣетъ ли наіе нибудь доходы, отвѣчалъ: «изъ нашихъ доходимши? Нынѣшніе господа на чай даютъ рѣдко когда. Господа нынче строгіе, обижаются все. Ты ему бумагу принеси — обижается, шапку предъ нимъ снѣтъ, обижается...

Когда то и «поцпий» был хорошиш хозяйниш, видал и лошадей, и порош, и овец, а пришло время остался съ сумой, да и то не своей, а пазенной.

У Моеи было четыре лакей, а теперь Моеи сам лакей. У Петраи было четыре батраки, а теперь Петраи сам батрака, гавь добродушно пронаивировав старику нидь своей судьбой.

— (Отчего же ты обидчал? — спросил сядователъ.)

— Сыны мои ноду пьютъ шибко. Такъ пьютъ, такъ пьютъ, что сказать нельзя, но пошришь.

Бесѣда кончается. Сядователъ ложится спать, хотя было еще рано, съ той благой мыслью, чтобы пораньше встать и «отсутствовать» отъиъ бѣдливой праньшес. Но благими намерѣніями путь въ адъ устланъ. За сядователемъ прѣзжаетъ докторъ и уповать его, несмотря на невозможную дорогу и метель, въ пошъику. Здѣсь они остаются сутки, такъ какъ метель разыгралась и вернуться обратно не было возможности. Но вотъ метель утихла, можно было ѣхать и тогда докторъ и сядователъ вышли на дворъ, съ прмьльца рядомъ съ кучеромъ стоялъ «поцпий», безъ шапки, со старой кожаной сушкой черезъ плечо, весь въ сѣдугу; и лицо было красное, мокрое отъ пота. Лакей, вышедшій, чтобы посадить гостей въ сани и укрыть нать ноги, посмотрѣлъ сурово и «казалъ»:

— Что ты тутъ слѣпишь, старый чертъ? Пошелъ нодъ отсюда!

— Ваше высокоблагородіе, народъ безпокоится... заговорилъ Лошадникъ (фамилия сотенного) улыбаясь извиня, во все лицо и видимо довольный, что, наконецъ, увидѣлъ тѣхъ, кого такъ долго ждалъ. — Народъ очень безпокоится, ребята платуютъ... Дунали, ваше благородіе, что вы опять

въ городъ уѣхали... Явите божескую милость, благодѣтели изма...

Докторъ и сядователъ ничего не сказали (да и что они могли сказать), сѣли въ сани и поѣхали въ Сырью...

Не правда-ли, какая громадная, поразительная разница въ нравственномъ мировоззрѣніи простого безхитростнаго мужика и представителей культурнаго класса, какая разница въ отношеніи ихъ къ вѣзатымъ на себя обязанностямъ и къ окружающимъ ихъ людямъ.

Въ то время какъ первыми безоротно и своего несетъ возложенную на него жизню тяготу, несмотря ни на какія неблагопріятныя обстоятельства и препятствія вторые уиѣють только выть, жалиться и теряться, разъ только нать приходится выйти изъ обычной колеи жизни, въ то время, какъ первый думаетъ только о томъ, что «народъ очень безпокоится, ребята платуютъ»... а нать бы поскорѣ освободить этотъ народъ отъ безпокоительства, вторые думаютъ постоянно о себѣ, хотя при этомъ очень тонко и не безъ чувства разсуждаютъ, только жаль, что отъ этихъ разсуждений никому не бываешь ни тепло, ни холодно.

Въ мнѣвской книжкѣ «Вѣст. Енр.» изъ оригинальной беллетристики начался печатаніемъ новый романъ нашего плодотворца и истиннаго беллетриста П. Д. Боборыкина «Будя нтти».

Дѣйствіе романа, который читается не безъ интереса, происходитъ въ заграничномъ курортѣ. Центральную группу представляютъ аристократическія семья, желающая засидѣть главу семьи, князя Власовскаго, въ сунашедшій домъ, или, по крайней мѣрѣ, добиться признанія его неспособнымъ, нать душевно больнаго. Въ этой интригѣ, между прочимъ, принимаютъ дѣятельное участіе рус-

ское общество ииуна, профессоръ психіатріи Идьяковъ. Но объ этомъ нать прривлеченія г. Боборыкина мы поговоримъ впоследствии. Тогда нать ошочится печатаніемъ и издадутся ошочательно «Будя» приведетъ своихъ гербесъ авторъ.

Въ заключеніе не можемъ не привести дѣланнѣ стихотворенія А. Жечунникова, политическое въ той же мнѣвскѣ «Будя», гдѣ впечатлѣніе и рривлечія г. Чехова.

Двадцатый вѣкъ нодѣтъ съ тѣмъ нодъ, какъ во всееленіи. Полны преданьями, снатымъ есть нѣста. Ихъ пошарать нельзя, какъ вразъ обыкновенннн: Тамъ было жите, тамъ смерть бнмъ Храста.

О, какъ-бы ни былъ ты могучъ, нисекокоростъ И властенъ, — съ тѣмъ нѣстами прривлеченія нислнтришь! Ужель, въ раздудіи сложился на грѣбъ Господомъ.

Ты не аоступишься политическимъ своимъ? Ужель, отпавшій нодъ, любящій неле биты.

Гдѣ непонимая ручьями льется кровь. Ты сердца не смлчншь, творя предъ

Тѣмъ коллнмъ. Кто проновлѣдывалъ а жнлость, а нѣ бонъ?

И если, среди снатымъ, начальствено в снѣло Ты будешь рѣчь держать, прнннчнмъ увлечень.

Стѣси себя хоть тѣмъ, чтобы нисора уиѣрять зномъ.

И во снатымъ нлнтанъ, чтобы снѣмъ не грѣмъ.

Имсаъ, выражонная въ нѣмъ стхотворенія, не требуетъ комментаріевъ.

К.